

Наталья ЯЧЕЙСТОВА

ПОЛНОЛУНИЕ ОДИНОЧЕСТВА

Дорога из аэропорта занимала всего лишь двадцать минут, и Ирина, едва сев за руль автомобиля, почувствовала себя почти уже дома.

Она ехала по Рю-де-Ферней; за окном мелькали привычные картины: серый куб Международного торгового центра, стеклянные корпуса выставочного комплекса. Женева, казалось, не менялась десятилетиями — все те же аккуратные, но безликие кварталы, ухоженные газоны с яркими цветами, праздная уличная толпа — смесь мигрантов и туристов со всех концов мира. Женева — спокойная, самодостаточная и, как ей теперь казалось, невыразимо скучная.

А ведь поначалу, когда она только приехала сюда, устроившись удачным образом на работу, все было иначе. Подумать только: двенадцать лет прошло! Швейцария представлялась ей тогда сказочной страной, населенной приветливыми людьми, что сродни добродушным гномам, изображаемым на открытках. Какими красивыми казались ей жевевские улицы и миниатюрные домики, увитые цветами! А озеро! Женевское озеро, окаймленное зелеными холмами, за которыми в ясную погоду проступала заснеженная вершина величественного Монблана!..

Тогда она думала, что у нее есть всё, о чем только можно мечтать — интересная работа в хорошей стране, деньги, близкий друг... Но прошли годы — и многое изменилось: с другом они расстались, всё остальное вошло в привычку, и жизнь постепенно утратила свой изысканный вкус — стала приторной, как швейцарский молочный шоколад.

После десятичасового перелета из Вьетнама Ирина не испытывала ничего, кроме усталости; она хоть и летела, как обычно, бизнес-классом, но полет выдался на этот раз нелегкий: почти сразу после набора высоты авиалайнер попал в зону турбулентности, и его не переставало потом трясти еще долгое время. Обратный путь из Ханоя показался ей бесконечно долгим, и трудно было теперь представить, что еще вчера она выступала с докладом на конгрессе в далекой жаркой стране на другом конце света. Конгресс этот был организован Всемирной организацией здравоохранения, в которой она работала, поэтому ей пришлось все те дни пребывания в Ханое крутиться как белка в колесе — проверять, налаживая, подстраивая многообразные детали форума. Даже город не успела толком посмотреть — не обидно ли?

«А все-таки я молодец!» — с гордостью подумала она, вспомнив, как удачно прошел конгресс и как тепло ее принимали. В своем докладе она впервые «обкатала», как говорится, программу по борьбе с пандемией азиатского гриппа — и то, что еще недавно могло показаться спорным, теперь, после состоявшихся дискуссий и обменов мнениями с коллегами, было уже не просто проектом, а новым направлением международной деятельности, которое надо было развивать, не откладывая.

«Умница, молодец», — еще раз похвалила себя Ирина, улыбнувшись своему отражению в зеркале. И выглядит неплохо, хоть и только что с самолета. Она почувствовала, как усталость покидает ее, уступая место желанию как можно скорее погрузиться снова в работу. Ей не терпелось обсудить со своим директором результаты поездки и уже создающие у нее в голове планы.

Припарковавшись на обычном месте в подземном гараже, Ирина достала из багажника чемодан и, напевая только что слышанную по радио мелодию, направилась к лифту.

«Ну вот и дома наконец!» — облегченно вздохнула она, входя в квартиру. Не зажигая света, подошла к окну и раздвинула шторы — взору предстал знакомый пейзаж: холмистый берег, ровная гладь озера и посреди него — высоченный столб пенящейся струи фонтана. Когда-то эта картина казалась ей великолепной, завораживающей — ради нее она и сняла эту квартиру на шестом этаже нового дома, не предполагая, что зимой здесь будет холодно и сыро, а сам пейзаж утратит очарование.

В легких сумерках исчезающего дня она смотрела на озеро, медленно погружаясь в привычную жевевскую действительность. А перед мысленным ее взором, как в кино, все еще мелькали пальмы, смуглые худые люди с тяжелыми корзинами на коромыслах,

горы экзотических фруктов...

Она опустила в кресло и машинально потянулась за телефоном: надо позвонить маме... Рука беспомощно повисла. Опять, опять это чувство живой связи — будто мама жива, ждет ее звонка! Почти три года уже нет мамы, а она всё никак не может свыкнуться с этим — то и дело хватается за трубку, чтобы ей позвонить, разговаривает с ней мысленно, как с живой, часто видит во сне — здоровой и радостной...

«Почему так происходит?» — в который раз подумала Ира. Может, это из-за того, что она не видела маму мёртвой? Когда та умерла, Ира была в командировке в Африке и не смогла приехать на похороны в свой родной Воронеж. Родственники не поняли ее: «Что значит: не смогла? Бросила бы всё и приехала!» Как было объяснить им, что только она могла подписать в тот день важный контракт и что самолеты из Африки летают не каждый день?.. «Но ведь можно было приехать заранее, — возражал ей внутренний голос, — когда звонила сестра и говорила, что маме плохо». Но тогда у нее был такой загруженный, такой сложный период! Она думала: «Вот разберусь немного и приеду». Как долго она потом корила себя за это! И как наяву виделись ей мамины глаза — голубые, выцветшие, как ее любимый платочек, который всегда был у нее на плечах. Мамины глаза, ждавшие ее до последней минуты.

— Мамочка, прости меня, — проговорила Ира. — Прости, пожалуйста, — слезы текли у нее из глаз горячими струйками.

Ее голос звучал тихо и жалобно, как у ребенка, хотя она не помнила, чтобы в детстве ее кто-то наказывал и она просила прощения, — все недоразумения решались как-то мирно, сами собой.

Она долго сидела неподвижно в кресле с телефоном в руке в ступающей темноте. «Я, должно быть, сейчас похожа на мумию», — подумала она. Недавняя легкость, радость и гордость за успешно проведенную миссию уступили место безразличию и горечи.

«Зачем я только приехала в эту Швейцарию? — думала она. — Чего я добилась? Успешная карьера? Деньги? Какая чушь! Мне тридцать пять лет — и я совершенно одна в этой чужой стране! Даже некому рассказать про Вьетнам, про то, как там все прошло, про этих смешных детей в треугольных соломенных шляпах...»

В груди у нее запыло. Она вспомнила, как на паспортном контроле по прилету в Женеву перед ней стояла полная, небрежно одетая женщина с большой сумкой, из которой торчал швейцарский паспорт. Ира почему-то все смотрела на эту сумку, на стоптанные спортивные тапочки пассажирки и думала о том, какие они всё же странные, эти швейцарские женщины, будто вытесанные из грубого камня. На выходе они опять оказались рядом — и вдруг эта женщина оживленно кому-то замахала, и из толпы встречающих выделился и ринулся ей навстречу рослый мужчина. В этой нетерпеливой толпе за металлической перегородкой все кого-то ждали, высматривали, встречали — только не её. В тот момент ей стало горько, неловко, и тогда она, сама не зная зачем, тоже помахала рукой — будто увидев знакомого.

Ира вытерла слезы и вышла на балкон. Внизу вдоль набережной и в окнах соседних домов уже зажглись огни. В темной июльской ночи холодным, но ярким диском сияла полная луна, словно фонарь, забытый небесным зрителем в крошечной мгле покинутого мира. В этот миг Ира почувствовала себя бесконечно одинокой и настолько несчастной, что, казалось, пережить эту боль было невозможно. Ее тоска была абсолютной, законченной, совершенной, подобно застывшей в небе круглой луне, эта тоска наполняла её до краёв — так, что нельзя было больше прибавить ни одной капли.

Ира взглянула вниз. По набережной плавно скользили автомобили, проходили редкие прохожие — люди спешили куда-то, несмотря на поздний час. Было тихо, как бывает здесь тихо почти всегда, за исключением редких праздников. И только рядом с ее балконом, доходя своими верхушками почти до перил, шумели старые тополя: «Шу-шш, шу-шш».

Но вот в этом шорохе листьев, волнуемых свежим ветром, ей послышался ласковый, убаюкивающий шепот матери: «Не плачь, не тужи. Ш-ш-ш. Все будет хорошо, хорошо».

Ветер коснулся её плеч, потрепал тихонько волосы, будто мама погладила ее ласково по голове, — и вот уже было не так горько, не так страшно, и верилось в то, что всё и впрямь будет хорошо и что печаль, достигнув своего предела, постепенно пойдет на убыль.